

Я проверил еду серебряной шпилькой и взял рулетик «жуйи». Нынешняя трапеза, конечно, не шла ни в какое сравнение с императорскими пирами, но Сяо Лань внешне чтит мой титул Верховного императора, поэтому продукты были сносными. Вот только я до сих пор не привык, что мне не прислуживают за столом, особенно что проверку на яд приходится проводить самому. Я заставил себя откусить маленький кусочек, думая про себя: раз Сяо Лань осмелился так обойтись со мной на семейном пиру, его прихвостни, конечно, не посмеют пикнуть. Но если старые сановники, верные отцу, и простой народ узнают, как поступают с отрёкшимся Верховным императором, картина будет совсем иной.

Нужно было что-то предпринять. Нельзя позволять Сяо Ланю своевольничать, иначе однажды он перейдёт все границы.

Я перевёл взгляд на евнуха Шунь Дэ, стоявшего рядом. Большинство слуг вокруг были ненадёжны, но Шунь Дэ — другое дело. У него была сестра в прачечной при Управлении гардероба, они с сестрой еле сводили концы с концами, а на попечении — тяжелобольная мать. Несколько месяцев назад я начал подкупать его старыми вещами, и Шунь Дэ молча принимал дары. От нынешнего императора он такого никогда бы не получил.

Я велел Шунь Дэ распустить среди своих товарищей слухи, чтобы те дошли до двора и заставили старых сановников оказать давление на Сяо Ланя, дабы он следил за словами и делами и не совершал в отношении меня, Верховного императора, ничего, противоречащего устоям.

Шунь Дэ слушал, но его взгляд то и дело задерживался на моей шее.

— На что уставился? — спросил я.

Он замялся и подал медное зеркало. Взглянув, я так и обомлел. На горле отчётливо виднелся след от укуса, окружённый красным пятном — будто кто-то сильно присосался. На моей бледной коже это выглядело особенно вызывающе. Я провёл пальцем по отметине, взгляд потемнел. Нечего и говорить — опять проделки Сяо Ланя. Аппетит тут же пропал. Пельмень во рту стало не проглотить, не выплюнуть. Я кое-как прожевал и наткнулся на что-то твёрдое, едва не сломав зуб.

В одиночестве пройдя в кабинет, я выплюнул посторонний предмет. Это оказалась кость с вырезанными мелкими иероглифами. Разобрав написанное, я изумился. Весть была радостной. Прибыли оба моих дяди, братья Бай, а с ними — ещё один отряд.

Посланники из Чи, крупнейшего племени варваров, явились с намерением породниться с царством Мянью.

Я завернул кость и вышел, чтобы выбросить её в озеро, но обнаружил, что вода скована толстым слоем льда. Неподалёку несколько принцев с десятком слуг предавались ледовым забавам, скользя с изяществом. Я невольно засмотрелся, удивляясь, что среди них нет Сяо Ду.

Куда подевался тот волчонок?

— Ваше Величество, поберегите себя, как бы не простудиться.

На плечи мне накинули плащ из белого лисьего меха. Я машинально схватил руку, поправлявшую одежду, на миг подумав, что это Лян Шэн. Но мгновение спустя осознал свою ошибку. Разжал пальцы, бросил взгляд на Шунь Дэ. Он, как и прочие евнухи, был миловиден, но молчалив — не чета сообразительному Лян Шэну.

Я застегнул пуговицы на плаще и приказал Шунь Дэ расспросить ближайших слуг о местонахождении Сяо Ду. Как вдруг над озером пронёсся взрыв смеха. Принц Сяо Юй, раскинув руки, словно парящая птица, скользил по льду с надменной небрежностью. Я смотрел на него, размышляя, как бы подрезать ещё неокрепшие крылья.

Он и впрямь был хорош собой, черты лица среди принцев больше всех походили на Сяо Ланя. Лишь глаза-«фениксы» отличались — всегда смотрели с непоколебимым высокомерием, что вполне гармонировало с его вспыльчивым и капризным нравом. Если бы его действительно объявили наследником, трудно представить, до чего докатится его спесь. Заметив меня, Сяо Юй неспешно описал круг на льду, сложил руки за спиной и подкатил ко мне, размашисто поклонившись:

— Приветствую, дядюшка. Племянник был слишком увлечён игрой и не заметил вашего присутствия. Прошу не взыскать.

— Великий князь возвёл взор к солнцу, какие могут быть претензии? — я помнил его слова во время унижения в Павильоне Фухуа и с небрежной усмешкой намеренно напомнил о его поражении на состязаниях по стрельбе из лука.

Лицо Сяо Юя мгновенно помрачнело. Он уставился на меня, отчеканивая слова:

— Племянник помнит, как в кабинете отца видел одну картину. На ней дядюшка был в расцвете сил и славы, а в ледовых забавах и вовсе не имел равных. Но ныне дядюшка так немощен, что племяннику, пожалуй, уже не доведётся лицезреть ваше мастерство. Как жаль, как жаль.

Слова его были двусмысленны и дерзки. Меня покорило.

Прочие принцы, хоть в душе, наверное, и не питали ко мне почтения, по крайней мере, умели притворяться. Не то что этот наглец Сяо Юй. Что ж, мальчишка, я покажу тебе, что значит «язык мой — враг мой».

Я скользнул взглядом по его конькам и с усмешкой тронул уголок губ:

— Верно, в былые времена я и впрямь преуспел в ледовых забавах, неизменно брал верх на дворцовых состязаниях. Ныне силы, конечно, не те, но кое-какие приёмы ещё помню. Только что наблюдал — техника у тебя ещё сыровата. Учитывая, что скоро Новый год, а на весенних обрядах будут проводить ледовые соревнования, времени в обрез. Великому князю стоит усерднее тренироваться, как бы снова не опозориться.

Сяо Юй уже собрался развернуться, но, услышав это, замер.

Я улыбнулся:

— Повороты слишком медленные. Подними одну ногу, остриём конька упрись в лёд — так скользить будет быстрее.

Совет, разумеется, был ошибочным. Если последовать ему, скорость возрастёт, но из-за резкости можно потянуть сухожилие.

А если на соревнованиях случится неудача...

Но Сяо Юй об этом не ведал. Амбициозный, тщеславный, жаждущий победы, он посмотрел на

братьев, лихо режущих лёд, и, полуверя-полусомневаясь, проделал круг по моему указанию. Убедившись, что способ работает, не смог сдержать восторга. Пронесясь несколько кругов, он вернулся ко мне, отбросив прежнюю наглость, и смиренно попросил меня наставить его дальше.

Я великодушно простил его и, несмотря на недомогание, скинув плащ и привязав коньки, стал показывать приёмы.

Пусть техника моя и заржавела, но, вероятно, из-за крайней худобы, скольжение давалось не слишком тяжело. Я будто парил над облаками, ветер развевал полы одежд, а взмахи рук, подобные клинкам, в стремительном вращении на миг вернули меня в прошлое — когда толпа рукоплескала, восхваляя мою молодецкую удаль и небесную статью, видя во мне желанного будущего Сына Неба.

Когда я остановился, несколько принцев и слуг смотрели на меня с изумлением. Сяо Юй тоже стоял разинув рот, и лишь спустя время пришёл в себя, вежливо попросив открыть ему секреты мастерства.

После моих наставлений техника Сяо Юя заметно улучшилась, и отношение его ко мне стало почтительным. Он даже принёс лицемерные извинения и пообещал вскоре прислать мне драгоценные дары.

Я согласился и между делом поинтересовался о Сяо Ду. На лице Сяо Юя расцвела злорадная ухмылка:

— Сегодня утром, когда мы вместе явились к отцу с приветствием, он почему-то прогневил его. Отец так разъярился, что собственноручно нанёс ему двадцать ударов плёткой, а затем заточил под домашний арест для размышлений о проступке. Даже на лёд выходить запретил. Право, жалкое зрелище.

Принц, подвергнутый телесному наказанию, — дело неслыханное. Что же натворил этот волчонок, чтобы заслужить такое?

Неужели потому, что затмил прочих принцев на состязаниях по стрельбе, помешав тем самым Сяо Ланю принять решение о наследнике? Или... может, опять из-за того, что вчера вызволил меня?

— И где же сейчас пятый князь? — спросил я.

— Конечно, в Северных покоях, — Сяо Юй удивлённо приподнял бровь. — Что, дядюшка, кажется, им обеспокоен?

— Вовсе нет. Просто заметил, что вы все его сторонитесь, вот и стало любопытно.

— И правильно делаете. Держитесь от него подальше. У него судьба тяжёлая, звёзды зловещие, легко накликают на себя беду. Отец и держит его во дворце, лишь чтобы отводить несчастья. — Выражение лица Сяо Юя стало непроницаемым, он пробормотал словно про себя:

— Не пойму, почему находят те, кто возлагает надежды на этого полукровку-несчастливца.

Моё сердце ёкнуло.

<http://bllate.org/book/15952/1426278>